

Нани
БРЕГВАДЗЕ.

УХОДЯТ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ

Нани Брегвадзе говорит, как поет. Спокойно, сдержанно, но вот увлеклась, загорелась, голос наполняется силой, протяжно и завораживающе звучат гласные...

— Это был просто праздник! Год завершился концертами «Мелодии и ритмы Грузии» в спорткомплексе «Олимпийский». Огромная, небывалая аудитория. И потому, как это дорого, радостно, когда люди уходят, не просто довольные твоим выступлением, но влюбленные в твою землю, в твою родину! Это такая гордость появляется! Мы все лучше в Москве показали. Нет, простите за нескромность, все-таки могли еще больше показать. Не то что вечера — суток бы не хватило.

— Чем еще памятен творческий год?

— Пела в Париже. Такое тоже трудно забыть, правда? Прошло около двадцати лет, как я там выступала с московским мюзик-холлом. А теперь нас пригласили дать один субботний концерт, но, видимо, понравилось, потому что приглашение повторили и на следующую субботу.

Новая программа? Нет, не совсем новая. Мы меняем программу, а песни. Постепенно. Есть такие, от которых

отказаться не могу, жалко.

— Поневоле вспомнишь незамысловатое утесовское: «У меня есть сердце, а у сердца — песня, а у песни — тайна...» Есть у песни тайна?

— Думаю, что у песни тайн нет. Все открыто, все на ладони.

— Почему же та или иная вдруг уходит на десятилетия, потом опять возвращается?

— Потому что, наверное, эта песня уходила, но не умирала. Все му же свое время. Возвращается, если в ней настоящие чувства, настоящие переживания. Настоящее всегда возвращается...

Для меня звучный голос не главное. Главное — донести до слушателя суть песни, а не кричать, не орать. Есть прекрасные голоса, которые вам ничего не говорят. И есть певцы, откровенно говоря, безголосые, которые буквально душу завораживают.

— У слушателей разные вкусы. Вы воспитывались в музыкальной семье...

— В Грузии любая семья — музыкальная. У меня была чудесный музыкальный педагог Нина Багратиони, но таким же педагогом, которому я всем обязана, был для меня, например, дедушка — юрист.

— Все равно в детстве, наверное, была цель — петь?

— Нет, чтоб вы знали. Никакой такой цели у меня не было. Я без цели пела. Цель

была у меня одна — закончить консерваторию по классу фортепиано, быть достойной своего профессора Гаянэ Мачутадзе. Закончила и... стала профессиональной певицей.

— И певицей, у которой паразитный контакт с аудиторией. Вот интересно — Елена Образцова признается, что на концертах не может петь для всего зала, находит какое-то милое, приятное ей лицо и поет словно только для этого человека...

— Это обязательно. Это по-настоящему правдиво. Выходишь на эстраду и обязательно кого-то выбираешь для себя. Или уже знаешь, что дорогой тебе человек здесь находится. Тогда, конечно, только для него и поешь. Только для него!

— Ну не всегда же он на концерте будет?!

— Что же я для других слушателей должна петь хуже? Все равно, в зале хорошие люди сидят. Даже в чужом городе, где никого не знаешь, с первого взгляда угадаешь друга.

— Мне-то как раз казалось, что вы на эстраде полностью углублены в себя, никого не замечаете вокруг.

— Это потом, когда начинаешь петь. Ничего не должно быть постороннего, никого не должна видеть. Иначе возьму и забуду текст. А так просто пою про себя, именно про себя, именно мною — никем другим — в этой песне все пережито, хотя она, возможно, старше меня на десятилетия.

— Вижу на столе книгу. Что вы читаете сейчас?

— Не улыбайтесь, «Легенды и мифы Древней Греции».

— Существуют и современные литературные пристатия?

— Они у меня нередко начинаются с людей, которых знаю. Люблю Вознесенского, Беллу Ахмадулину очень люблю. Римму Казакову. Анатолия Владимировича Софронова. Окуджаву...

Интерес к личности художника, как у любого читателя, начинается, конечно, и с его книг. Может ли современный человек не знать и не любить Шукшина, Айтматова, Распутина?

— Вернемся к музыке. Дома для себя, для семьи вы поете?

— Такого дня не бывает, чтобы я не села к роялю, и не спела для себя, и не поиграла. В Грузии, чтоб вы знали, все так. Особенно в долгие зимние вечера, когда семья собирается, все поют. И мы обязательно поем.

— Для вас это по-прежнему удовольствие?

— Ой, огромное! Когда моя дочка поет или приходят сестры двоюродные, братья, мама — непременный слушатель... Все это в традициях нашего народа.

— Но вот вы, например, поете старинные русские романсы...

— ...Тоже наша традиция. В Грузии их издавна любят.

— Или песни Великой Отечественной...

— Когда они повсеместно звучали, я была маленькая и не обращала внимания, какие

они хорошие. Потом, к счастью, поняла. По-моему, сейчас такие песни вообще не пишутся, они рождаются в сверхнапряженный для народа час. Мы с замечательной пианисткой, народной артисткой Грузии (и, кстати, физиком по профессии) Медеей Гонглишвили решили подготовить в год сорокалетия Победы именно песни военных лет. Целый цикл.

— Вот мы и перешли к 1985 году. Что еще предстоит?

— Хочу записать новую пластинку. Надеюсь на встречу с новыми песнями. Поездки, гастролы. В январе опять выступаем в Москве. Потом Свердловск, Средняя Азия, Прибалтика...

— Вы уже объехали весь Союз?

— Несколько раз.

— А Новый год где встретите?

— Во всяком случае, в полночь я буду дома. А потом посмотрим...

— Будете петь? Что именно?

— Дома? Откуда я знаю! По настроению...

— Тогда скажите новогодний тост.

— Я не главный специалист в Грузии по тостам. Но для «Литературной газеты», которую люблю... Пусть те, кто читает сейчас эти строки, будут счастливы, пусть они будут здоровы, пусть они будут добры и не завидуют друг другу. Пусть все живут в мире.

Ростислав ПОСПЕЛОВ